

да основывалась частично на логике новой ситуации, которая заставляла Керенского следовать по пути наименьшего сопротивления, а частично на понимании того, что Керенский станет заложником тех, кто поможет ему получить диктаторскую власть. Правые испытали большое облегчение, когда Керенский расстался с мечтой о личной диктатуре и передал верховное командование Корнилову, предложив им нового, вполне оперившегося кандидата и неожиданный шанс овладеть армией, а значит, и властью.

Естественно, все сторонники правой диктатуры начали тут же группироваться вокруг человека, который внезапно получил полную возможность захватить власть.

Что же касается сторонников левой диктатуры, большевиков, то им было гораздо выгоднее ждать своей очереди, *tesicler pour mieux sauter* [студить свое жаркое (фр.). — Примеч. пер.]. Трудно было придумать более удачный трамплин для их «прыжка к власти», чем подавление силами вооруженного народа контрреволюционного генеральского путча, а особенно путча, дорогу которому расчистило само Временное правительство, назначившее Корнилова верховным главнокомандующим. Инерция вооруженного подавления контрреволюции должна была привести к собственному наступлению и победе.

Тем временем армия, которая во время революции живет мыслями и надеждами всей страны, не оставалась безучастной к происходящим событиям. Политика топтания на месте в военном вопросе была такой же роковой для революции, как и нежелание правительства решать рабочий, крестьянский и национальный вопросы.

Глава 16

АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Когда разразилась революция, все тайное стало явным. Армия, этот бессловесный великан, внезапно обрела язык и начала митинговать. Крайности слепого подчинения, рабской покорности, идиотского «пожирания глазами начальства» привели к похожему, хотя противоположным крайностям — отрицанию

всякой дисциплины, стремлению видеть старый режим в самом простом и законном желании покончить с вопиющей расхлябанностью и преступной небрежностью. Поскольку за провалы военной стратегии и отсутствие снаряжения было заплачено горами пушечного мяса, все сильнее становилось желание отомстить командованию и обеспечить собственную безопасность, которое временами превращалось в трусость, опасную для смежных частей. Так как бездарность командования была ясна всем, рядовые настаивали на обсуждении приказов, что уничтожало саму основу существования армии. Чем сильнее рядовых унижали рукоприкладством и телесными наказаниями, тем сильнее они стремились унижать и даже терроризировать офицеров. Кроме того, структура каждой армии неизбежно повторяет социальную структуру страны. Когда революция разрушает социальную и политическую структуру общества, это неминуемо отражается и на структуре армии. В военное время, когда армия становится «вооруженным народом», фронт либо живет теми же чувствами и мыслями, что и тыл, либо вступает с этим тылом в вооруженный конфликт. Попытки старых командиров сохранить нетронутой структуру старой армии во время всех революций приводили к «карательным экспедициям» фронтовых частей против революционных столиц; во время всех удачных революций дело кончалось временным «обезглавливанием» армии, кризисом, радикальной реформой и полной сменой высшего командования.

В результате революции на русском фронте возникло очень сложное положение. Начало переговоров думских лидеров с высшим командованием показало, что между правительством «прогрессивного блока» и генералами непримиримых противоречий нет. И те и другие неохотно расстались с царем, рассчитывая такой ценой спасти династию. На конференции «прогрессивного блока» 1 октября 1916 г. Милюков искренне говорил: «В глубине души мы все монархисты». Поэтому не всем членам блока было так же легко расстаться с монархией в целом. Более того, «прогрессивному блоку» пришлось опереться на свое левое крыло и искать союзников среди левых партий, даже рискуя утратить поддержку правых. В результате возникло непонимание. Начальник штаба ставки генерал

Алексеев в конце концов пожалел, что поддержал отречение Николая. Он пришел к собственным выводам, неблагоприятным для Родзянко; даже этот типичный старорежимный политик казался ему неискренним и подозрительным из-за его связей с людьми «слева». Родзянко тоже чувствовал, что ему будет трудно наладить политическое сотрудничество с Алексеевым. Но согласно военному кодексу во время отсутствия главнокомандующего этот пост автоматически занимал начальник генерального штаба; поэтому генерал Алексеев стал фактическим главой армии, а вскоре был утвержден в этом качестве официально. Временное правительство не согласилось с указом царя*, который назначил своим преемником на этом посту великого князя Николая Николаевича; оно не могло бы этого сделать даже при всем желании. Наименее болезненным способом была замена Николая Николаевича генералом Алексеевым, поэтому главнокомандующим назначили именно последнего. Возникла парадоксальная ситуация: 19 марта более консервативный Временный комитет членов Государственной думы обратился к более радикальному Временному правительству с серьезным предупреждением. Изучив предыдущую деятельность Алексеева и его «неспособность понять текущий момент», комитет настойчиво советовал «освободить генерала Алексеева от должности главнокомандующего». 18 марта председатель комитета Родзянко писал председателю кабинета министров:

«Это назначение не приведет к успеху в войне. Поймите, генерал Алексеев всегда считал, что армия должна командовать тылом, что армия должна командовать волей народа и что армия должна руководить правительством и всеми его мероприятиями. Вспомните обвинения генерала Алексеева против представителей народа [Государственной думы. — *Примеч. авт.*], что главным виновником приближавшейся катастрофы был русский народ в лице его представителей. Вспомните, что генерал Алексеев категорически настаивал на немедленном установлении военной диктатуры...»

* Точнее, оно использовало тот же способ фиктивного соблюдения законного наследования, попросив великого князя отказаться от главного командования и таким образом избежав необходимости возврата к «августейшему царскому командованию».

Теперь благодаря записям того времени, сделанным в «Дневнике» генерала Алексеева, мы знаем, что первый командующий русской революционной армией про себя всегда называл Совет солдатских депутатов Советом *собачьих* депутатов! Генерал Алексеев был до мозга костей пропитан старой психологией, диктовавшей вывеску «Вход нижним чинам и собакам воспрещен».

Алексеев не отличался сильным характером. В начальники штаба ему придали Деникина — человека темпераментного, резкого, упрямого, решившего полностью игнорировать существование всех солдатских коллективов или организаций. Отличавшемся таким же характером генералу Крымову предлагали несколько высших постов, но он отказался, после чего жаловался Деникину:

«Как можно работать в таких условиях, когда Советы и непокорная солдатская масса не позволяют правительству сделать ни шагу? Я предложил в два дня очистить Петроград силами одной дивизии — конечно, не без кровопролития... Ни в какую! Гучков возражает, Львов кричит: «Боже упаси! Это вызовет такие сложности, такие беспорядки!»

Когда заседание правительства утвердило командующим Петроградским военным округом генерала Корнилова (от общественности скрыли, что Корнилов был назначен на этот пост самим царем), «он охарактеризовал политическую ситуацию так же, как Крымов: правительство не имеет власти, а потому необходима суровая чистка Петрограда»¹.

Временный комитет членов Думы, еще не считавший, что он отыграл свою роль, сделал любопытную попытку выяснить истинное состояние армии, направив на фронт специальных делегатов. Один из них писал:

«Мы говорили со многими офицерами. Многие абсолютно не понимали ситуации и спрашивали нас: «Неужели вы не могли посоветоваться с армией, прежде чем делать революцию?» Они недовольны тем, что это было сделано без спроса, так сказать, «с кондачка», штатскими, которые не советовались с ними. Некоторые командиры были очень тактичны. После революции, отречения и т. д. они без шума убрали все портреты [царствующих особ. — Примеч. авт.]»

однако в некоторых частях эти портреты все еще демонстративно висят на прежних местах. Когда солдаты потребовали убрать портреты, командиры отказались — не потому, что привязаны к этим портретам или обожают старый режим, но потому, что, по их мнению, этого не позволяет дисциплина: «С какой стати мы будем подчиняться требованиям солдат?» Такое поведение грозит опасными последствиями. Некоторые солдаты говорили прямо: «Мы убьем командира такого-то; мы уже договорились об этом». Мы отвечали им: «Успокойтесь, Временное правительство так или иначе решит этот вопрос, оно примет меры, чтобы вами командовали подходящие люди».

И правительство их приняло; но это были не меры, а полумеры. Настоящие меры были приняты снизу.

«Некоторые из них [командиров. — *Примеч. авт.*] сознавали свою задачу, но другие не желали понимать, что все изменилось и что они сами должны измениться. Они злятся на новые приказы, в том числе на приказ Гучкова обращаться с солдатами вежливо: они говорят, что такие вещи делают только тыловые крысы, которые не имеют с армией ничего общего».

Обсуждая с членом Думы приказ о вежливом обхождении с рядовыми, командир дивизии выразился коротко и энергично: «Я порол этих мерзавцев и буду пороть, а если кто-нибудь пикнет, я сам дам ему пятьдесят ударов плетью».

После данной поездки не социалисты, не Совет, а сам Временный комитет Государственной думы заявил: «Это контрреволюционные настроения».

Но могло ли быть по-другому? Нет.

Ближайший помощник великого князя Николая Николаевича генерал Данилов признает в своей книге «Россия в мировой войне», что еще до падения самодержавия «кроме оппозиции единственной реальной силой была армия, воспитанная своим единым командованием в духе беззаветной преданности отечеству, которая отождествлялась с древней российской системой управления». Это «единое командование», тщательно отбирившееся в течение нескольких веков, понесло огромные потери на полях сражений и было сильно разбавлено мо-

лодыми поручиками, происходившими из всех классов общества. Чем выше был ранг армейской иерархии, тем более «единым» он являлся. Немногие исключения не всегда бывали счастливыми: высшие офицеры поддерживали новый режим чаще из-за соглашательства, беспринципности и личного честолюбия, чем из-за искренней внутренней перестройки. Генерал Деникин не отрицает, что «русское профессиональное офицерство в целом придерживалось монархических убеждений». Особенно тяжелая ситуация сложилась в императорской гвардии.

«Гвардейские офицеры, замкнутые внутри своей касты и преданные устаревшим традициям, набирались исключительно из знати; правда, часть конногвардейцев принадлежала к плутократии... Несомненно, гвардейские офицеры, за немногими исключениями, были монархистами *par excellence* [по преимуществу (*фр.*)]. — *Примеч. пер.*] и в неприкосновенности пронесли свои идеалы через все революции, испытания, эволюции, борьбу, падения, большевистские и добровольческие армии, иногда тайно, иногда явно... Храбро, а иногда и героически они [гвардейские офицеры. — *Примеч. авт.*] чаще всего сохраняли и в военной, и в гражданской жизни нетерпимость закрытой касты, архаичное классовое высокомерие и убежденный консерватизм, иногда выражавшийся в склонности к большой политике, но гораздо чаще — в глубокой реакционности»².

Эти офицеры не могли не сопротивляться революционному духу, проникшему в армию. Столкновение было неизбежно. Рядовые чувствовали высокомерное отношение и внутреннее отвращение своих командиров к событиям, которые для них самих стали лучом света в темном царстве. Они чувствовали это и тогда, когда офицеры скрывали свои взгляды, а тем более тогда, когда о них заявлялось открыто.

Армия существует только благодаря своему единству. Старый режим создавал это единство *сверху*, а новый режим должен был создать его *снизу*. Старый режим принуждал старших офицеров и рядовых отождествлять свои чувства с чувствами высшего командования, но революция все поставила с ног на голову; высшие командиры должны были отождествлять себя с армейской демократией или уступать дорогу новым командирам, назначенным этой демократией. По мере

развития революции такая необходимость осознавалась все острее. Сначала голос рядовых звучал робко («они все еще боятся старого режима», — говорилось в одном письме); они подавали жалобы и просьбы, но вскоре стали дерзкими и нетерпеливыми. Командир 182-й пехотной дивизии писал: «Нервы солдат напряжены до крайности... Я не знаю, как справиться с приближающимся взрывом». В марте члены Думы после поездки на фронт доложили, что «солдаты чего-то ждут». Но вскоре это ожидание кончилось; солдаты сами взялись за чистку своих командиров.

Генерал Драгомиров жаловался:

«Аресты офицеров и командиров не прекращаются. К старым обвинениям добавились новые: здесь и преданность старому режиму, и несправедливости по отношению к рядовым... Аресты генералов и офицеров рядовыми привели к устранению неугодных командиров; безнаказанность рядовых на практике означает, что они могут сместить кого угодно, угрожая ему силой».

Опытный военный специалист Драгомиров был абсолютно прав. Обновление командного состава нельзя было предоставлять рядовым. Революционная армия требует строгого соблюдения дисциплины не меньше, чем старорежимная, но эта дисциплина должна соблюдаться не из страха перед наказанием, а по убеждению, благодаря *новому осознанию своего гражданского долга*. Эта дисциплина может восторжествовать без физического принуждения; ни в коем случае не должно возникнуть искушение нарушать ее по зову «революционного сознания». Революционизировать армию необходимо целиком — как высшее командование, так и рядовых.

Генералы старой школы только скептически смеялись, когда им говорили, что армию можно перестроить с помощью революционного энтузиазма. «Вы думаете, что солдат охотнее пойдет навстречу смерти, если ему скажут, что он умрет за революцию? Думаете, что это магическое слово избавит его от страха за свою шкуру?» Однако только революционный дух (не вместо дисциплины, а как основа новой дисциплины) мог заменить устаревший лозунг «За веру, царя и отечество».

Позже большевики показали, что революционная армия может существовать только на основе беспощадной дисциплины, абсолютного единства командования и устранения всех комиссаров и солдатских комитетов; однако все это происходит не по мановению волшебной палочки, а после процесса перестройки. Такую перестройку могли провести лишь люди, которые не имели ничего общего с ненавистным старым режимом и говорили с солдатами на языке революции и от имени революции. Большевики показали, что революционную армию можно вести вперед только в том случае, если продолжается сама революция; перехлесты последней наносят армии меньше вреда, чем попытки остановить революционный процесс.

На первых порах в конфликте между рядовыми и высшим командованием старшие офицеры часто переходили на сторону рядовых. Была возможность объединить офицеров с солдатскими массами и начать совместную борьбу с высшим командованием и его приверженцами из числа привилегированных офицеров. Одного такого союза было бы достаточно, чтобы перестроить старую армию и возродить ее как армию революционную. «Оказать доверие боевым офицерам, которые вели ту же ропную жизнь и установили дружеские отношения с подчиненными!» «Смелее выдвигать способных офицеров на командные должности, выбирать из них настоящих вождей революционной армии!» С такой программой выступило бы настоящее революционное правительство. Именно эти лозунги помогли лидерам Французской революции реорганизовать королевскую армию. Но цензовое правительство не могло выбрать этот путь, не могло последовать призыву Дантона: «*De l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace!*» [«Дерзость, дерзость и дерзость»] (фр.). — *Примеч. пер.*] Нет, оно выбрало лозунг осторожных консерваторов: «*Quieta non movere!*» [«Поспешай медленно»] (ит.). — *Примеч. пер.*] Его программа была компромиссной. Она сохраняла двоевластие в армии, недоверие между командирами и подчиненными и ставила офицеров в самое невыгодное положение — между молотом и наковальней. Новое правительство не сделало ставку на молодых; лишённые поддержки, младшие офицеры сначала служи-

ли буфером, а в конце концов стали козлами отпущения за чужие грехи.

Первый военный министр Временного правительства Гучков сделал попытку «освежить» командирский корпус. Он исключил из списка тех, кто, как признавал Деникин, был «помехой», отправив в отставку около сотни генералов. В высших армейских кругах ходили пугающие слухи о гучковских «проскрипциях» (как их назвал тот же Деникин). Уволенные генералы и офицеры, бежавшие из своих частей или изгнанные самочинной властью солдатских комитетов, буквально затопили ставку, которую вскоре прозвали «осиным гнездом реакции». Однако меры Гучкова были детской игрой по сравнению с тем, что сделала с армией Французская революция. К июлю 1793 г. в отставку были отправлены 593 генерала. Причем не следует забывать, что тогдашняя французская армия была крошечной по сравнению с русской армией времен мировой войны.

Справиться с задачей Гучков не смог и уступил свой пост Керенскому. От последнего ждали, что он проявит кипучую революционную энергию и решительность. Но он даже не прикоснулся к этой задаче. Ревностный сторонник и помощник Керенского Станкевич прямо говорит: «С целью избавить генералов от «чувства неуверенности после гучковской чистки я с особым консерватизмом относился к высшему командованию, давая понять, что каждый новый человек хуже старого именно своей новизной»; этот консерватизм он проявлял по прямому указанию Керенского³.

Нет, не для красного словца Керенский сказал, что был «самым консервативным министром».

Конечно, кульминационным пунктом брожения и развала старой армии был Петроград. Там солдатские массы не следили за революцией со стороны, как те, кто был на фронте. В Петрограде они варились в котле революции и были там главными действующими лицами. Раскол между солдатами и командирами достигал максимального накала; бежать было некуда; царил лозунг «Кто не с нами, тот против нас».

В Петрограде революционность солдат определялась нарушением дисциплины, для которого в военном кодексе не

было другого наказания, кроме смертной казни. Офицеры и солдаты сражались не с помощью слов, а с помощью оружия. Во многих полках мятеж начинался с расстрела собственных командиров. По-другому и не могло быть; с первых дней восстания командиры выводили своих солдат на улицу, выстраивали их в шеренгу приказывали: «Товсь! Пли!» «Серые шинели осаждали захваченные рабочими фабрики и иногда по приказу командиров брали их с помощью штыков. Даже в феврале 1917 г. стрельба на Невском проспекте была такой ожесточенной, что мостовая была усыпана трупами безоружных людей, в том числе стариков, женщин и детей. Три полка, первыми примкнувшие к революции — Волинский, Литовский и Измайловский, — убили нескольких офицеров и прогнали остальных; их привел к Думе штатский, адвокат Соколов. Поэтому один вид офицерской шинели или погон приводил толпу в ярость. Запоздавшая попытка офицера Станкевича примкнуть к восставшим едва не кончилась трагически; его предложению идти к Таврическому дворцу никто не поверил.

Это было страшным ударом по всей структуре армии, ударом, от которого не было спасения. Офицерский чин не помешал Станкевичу понять трагедию случившегося. Рядовых, которые нарушили дисциплину и убили своих командиров, общественное мнение сделало героями, освободителями страны от векового гнета. Через несколько дней это признали официальные власти и довели до сведения всех командиров. Главная беда заключалась не в том, что некоторые офицеры пытались помешать солдатам примкнуть к восставшим и были убиты, а в том, что многие офицеры промолчали и впоследствии присоединились к хору славословий. Почему они позволили охваченным гневом солдатам схватить винтовки и толпой высыпать на улицу?

Теперь случившееся объявили победой революции, и офицеры согласились с этим. Но насколько искренним было их согласие и сколько оно могло продлиться? В первые минуты они потеряли голову, спрятались и замаскировались. Но что было бы, если бы все офицеры на следующий день вернулись в казармы? Некоторые присоединились к хлынувшим на ули-

цу солдатам с пятиминутным опозданием. Почему солдаты вели за собой офицеров, а не наоборот? Именно в эти пять минут между ними возникла зияющая пропасть.

Лучшим доказательством этой пропасти является знаменитый Приказ номер 1 частям Петроградского гарнизона, изданный во время революционного «междоусурствия» Петроградским советом по предложению комиссии делегатов революционных частей.

Для высшего командования этот приказ тут же стал жупелом, страшным злом, губительным для армии: бомбой, сознательно брошенной рукой преступника и подорвавшей основу армейской дисциплины. Однако большинство людей, знакомых с воинской дисциплиной современных зарубежных армий, не видело в этом приказе ничего страшного.

Идея авторов приказа была проста: «Строжайшая дисциплина соблюдается военными только при исполнении их обязанностей»; за пределами казармы, строя и окопа рядовые пользуются теми же правами, что и все граждане.

Пересмотр чисто внешних признаков дисциплины (вроде запрета «тыкать» солдатам и грубить им, использования обращения «гражданин генерал» вместо помпезного «ваше превосходительство» и т. д.) мог напугать лишь тех, кто почитал не содержание, а форму.

Чуть более серьезной была отмена обязательной отдачи чести не при исполнении служебных обязанностей, превращавшая в настоящую пытку жизнь рядового, который шел по улицам, заполненным офицерами; достаточно было не заметить одного из них, чтобы угодить на гауптвахту.

Три пункта приказа регулировали отношения рядовых с избранными ими *политическими* организациями — Советами и Комитетами. Конечно, с точки зрения принципа «армия вне политики» эти пункты были ересью. Но армию, которая только что совершила революцию и защищала ее, нельзя было объявить «вне политики» — это было бы просто глупо. Вторых, офицеры, которые требовали, чтобы их солдаты оставались вне политики, сами от политики не отказывались. Напротив, они мечтали о «суровой чистке Петрограда» и даже предлагали провести ее, собираясь использовать в каче-

стве тарана именно те части, которые были равнодушны к политике и беспрекословно подчинялись своим командирам.

Еще один пункт приказа требовал выполнять только те приказы военной комиссии при Временном комитете Думы, которые не противоречили приказам Совета солдатских депутатов. Но эта комиссия была таким же политическим и самозванным органом, как и сам Совет; ограничение ее полномочий не противоречило никаким военным законам.

Но центральный пункт (пятый) в армии был бы невозможен. «Все оружие, в том числе винтовки, пулеметы, броневики и т. п., должны находиться в распоряжении ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию». Этот пункт являлся во-тумом недоверия офицерам, выраженным рядовыми.

Хуже всего было то, что этот пункт был более чем справедливым.

Приказ номер 1 был подписан 1 марта. В тот день генерал Иванов, которому были даны диктаторские полномочия для покорения Петрограда, доставил в Вырицу эшелон с отдельным батальоном георгиевских кавалеров. На следующий день, арестовав и запугав железнодорожников, он попытался добраться до расфлложения Тарутинского полка, чтобы с его помощью захватить Царское Село. 1 марта туда было направлено еще несколько эшелонов с Северного и Западного фронтов. Только 3 марта Милюков наконец предложил «собрать части, необходимые для защиты великого князя» (Михаила) и возведения его на трон. Родзянко и Милюков, все еще поддерживавшие кандидатуру Михаила, сорвали голоса, пытаясь убедить одну часть за другой «вернуться в казармы», «найти своих офицеров и выполнять их приказы», потому что эти офицеры «не научат солдат ничему плохому и будут действовать в полном контакте с Думой». «Временный комитет» Думы, «единственное правительство, которому все должны подчиняться», нуждается «в содействии вооруженных сил, действующих организованно». В то время, по мнению офицеров, близких к Деникину, «один надежный батальон под командой офицера, знающего, чего он хочет, мог бы изменить всю ситуацию».

Видимо, думские лидеры испугались собственной спешки; того же 1 марта полковник Энгельгардт, назначенный главой военной комиссии Временного комитета, издал специальный приказ. Тем, кто попытался бы забрать оружие у рядовых, этот приказ грозил «самыми решительными мерами» вплоть до расстрела! Это было куда более серьезно, чем простой отказ выдавать оружие офицерам, сформулированный в Приказе номер 1 Петроградского совета.

5 марта генерал Иванов попрощался со своим батальоном георгиевских кавалеров и велел ему служить Временному правительству так же исправно, как он служил царю. В тот день Петроградский совет издал Приказ номер 2, объяснявший, что он не намерен вводить выборность офицеров. Приказ номер 1 для фронта не предназначен. Солдаты, политически подчинявшиеся своему Совету, для законных военных властей были дезертирами.

Могли ли эти запоздалые меры навести хотя бы временные мостки через роковую пропасть, которая разделила офицеров и рядовых в незабываемые дни конца февраля — начала марта 1917 г.?

Эта пропасть осталась. С каждым новым толчком она становилась все шире, пока окончательно не разделила армию и страну, заставив их начать гражданскую войну.

Высшее офицерство требовало, чтобы все оставалось по-прежнему, чтобы армия забыла про события в тылу и вернулась к своей прежней цели: войне до победного конца. Оно примирилось со свержением Николая II только из-за своих профессиональных военных интересов; старый режим явно вел и армию, и страну к гибели. Оно приняло бы и революцию, если бы та обеспечила лучшие условия для ведения военных действий и увеличила шансы на победу.

Николай II отрекся; в правительство пришли новые люди. Что дальше? Пусть они покажут себя.

Мышление настоящего офицера в корне противоположно «гражданскому». Для него вся страна — это лишь «тыл» армии, придаток, который обслуживает ее нужды. А как же быть с Великой революцией? Что ж, если она того заслужит,

найдется место и для нее: на подножке вагона с провиантом и боеприпасами, идущего в сторону фронта.

Поэтому армейское командование считало, что после смены фасада власти «инцидент исчерпан».

Но был ли он исчерпан для страны? Для трудящихся масс? Для них все было наоборот: революцию совершали не для того, чтобы она служила войне; наоборот, война должна была служить революции. Но это могло произойти только в одном случае: если бы революция не ограничилась сменой фасада.

До революции взывать к массам было бесполезно. Никакого патриотизма у них не осталось. Бедность и рабство, перешедшие всякие пределы, убили в них любовь к отечеству. В этой стране просто *ничего было защищать*. Даже жупел вражеского завоевания никого не пугал. Терять нечего. Хуже все равно не будет.

Теперь задача революции заключалась в том, чтобы вдохнуть новое содержание в голую *форму* объявленной свободы и внутри этой формы создать ценности, которые народ стал бы защищать, не жалея собственной крови.

Глава 17

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ И ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ

Драма Корнилова — одна из самых захватывающих страниц в истории революции. Страсти, поднявшиеся вокруг этого движения, еще не улеглись. Некоторые расценивают его как безумную попытку, уничтожившую внутреннее равновесие страны и ставшую прелюдией к большевизму. Другие считают, что при удачном завершении это было бы единственное средство предупредить большевистскую катастрофу. Для одних мятеж был политической авантюрой упрямого и честолюбивого человека, для других — безнадежным, трагическим, жертвенным взрывом «героизма отчаяния». Одни думают, что это был хладнокровный заговор со «злым умыслом». Другие называют его «величайшей провокацией» врагов и недоброжелателей генерала, стремившихся возвыситься за его

- 1 *Деникин. Очерки...* Т. 1. Ч. 1. С. 73, 77.
- 2 *Деникин. Указ. соч.* С. 11, 15—16.
- 3 *Станкевич. Воспоминания.* С. 178, 182.